

ФІЛАСОФІЯ, ГІСТОРЫЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 1(476)(091)

В.В. СТАРОСТЕНКО

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И СВОБОДОМЫСЛИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

Одним из важнейших этапов становления духовности и национальной культуры белорусского народа является эпоха Возрождения. Ее определяющей новацией стало развитие ренессансного свободомыслия, что находило выражение, прежде всего, в утверждении гуманистического мировоззрения. У истоков отечественной ренессансно-гуманистической мысли стоял доктор Франциск Скорина. Опираясь на древнерусскую философско-этическую и богословскую традицию, он предпринял попытку синтеза этой традиции с античной и западноевропейской религиозно-философской культурой. Взгляды Скорины достаточно ярко отразились в его оригинальном литературно-публицистическом наследии, представленном предисловиями и послесловиями к издаваемым на протяжении 1517 – 1525 годов книгам Библии. В своих предисловиях он, отказываясь от жесткого теоцентризма, наиболее полно выразил ценности и идеалы национального бытия белорусов, основными компонентами которого являются конкретная Родина (“место, игде зродился и ускормлен суть”) и культура народа – его язык, история, традиции и т.п.

Скорининская Библия – первое в отечественной культуре светское издание Священного писания. Заметим, что внецерковное издание Библии уже само по себе является свидетельством свободомыслия белорусского печатника, поскольку до XVI века издание и толкование Священного писания считалось прерогативой церкви и духовенства. Не поощрялось даже чтение Библии мирянами, что основывалось на ортодоксальном христианском понимании роли церковного института как единственного возможного посредника между Богом и людьми. Обращает на себя внимание и характер издания Библии. При осуществлении своего издательского проекта Скорина допускает многие «вольности»: отступает от канонического порядка библейских книг, гуманистически истолковывает многие библейские сюжеты, свободно обращается с текстом, пропуская или переставляя по своему усмотрению целые фрагменты и главы [2, с. 77-78]. Уже в XVII веке церковные ортодоксы порицали гуманиста за «еретизм». “Задолго до предков ваших, – с нескрываемым раздражением писал в 1622 году униатский митрополит Антоний Селява в обращенном к православным “Антиэленхусе”, – Русь была хорошо отравлена... был Скорина, еретик гуситский, который для вас книги по-русски печатал в Праге... называл себя русином из Полоцка, так и подписывался. Нравились эти издания, утверждали, что напечатал их человек достойный, русин, брат наш” [5, с. 15-16].

Франциск Скорина одним из первых в отечественной мысли выступил с обоснованием круга актуальных ренессансно-гуманистических методологических и гносеологических идей. Так, он попытался разрешить чрезвычайно важную для своего времени проблему интерпретации Священного писания [6, с. 93]. Скорина был глубоко верующим человеком, признавал основные догмы христианского вероучения: божественную Троицу, богочеловеческую природу Христа, бессмертие души, потустороннюю жизнь и другие. Библию считал богодухновенной книгой. В предисловии к Книге Бытия прямо отмечает: «Мы пак, хрестиане, зуполную

веру имама всемогущего во троици единого бога, в шести днех сотворившего небо и землю и вся, еже суть в них» [9, с. 52].

Однако в герменевтическом искусстве Скорины обнаруживается попытка нетрадиционного, свободного истолкования ряда религиозно-философских проблем. В Библии, полагал мыслитель, содержится как доступная лишь для избранных (эзотерическая), так и доступная для всех без исключения людей (экзотерическая) мудрость. К числу эзотерических книг Скорина относил Книги Бытия, начало и конец Книги пророка Иезекииля и Песнь Песней, которые «суть трудны ко зрозумению» и являются предметом веры. Основная же масса текстов Священного писания доступна любому разумному человеку. Это Притчи Соломоновы, Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, Книга Премудрости Соломона, Книги Царств, Книга Иудифи и другие. Экзотерическая часть Библии содержит нравственно-философские истины, элементы светского знания и представляет в глазах Скорины наибольшую ценность [6, с. 94].

Особенность свободомыслия Скорины ярко выявляется при сопоставлении двух совпавших по времени издательских библейских проектов – белорусского печатника и немецкого протестанта Мартина Лютера. Гуманист из Полоцка и реформатор из Виттенберга по-разному определили цель своих изданий. Лютер был движим задачей обновления доктрины католицизма с целью приспособления христианства к новым потребностям зарождавшегося буржуазного строя. Модернизм Лютера способствовал укреплению веры в Бога, а сам автор стал основателем нового направления в христианской религии. Мотивы же Скорины были религиозными и светскими одновременно, издаваемые книги предназначались для «добротоу наущения» не только и не столько религиозному благочестию, сколько мирскому знанию и мудрости. Причем Скорина пытается отойти от ортодоксальной христианской традиции божественного характера книг Библии. В предисловии к каждой книге автор сообщает сведения о ее составителе, времени и обстоятельствах ее написания. В этом подходе к Библии, по существу, проявляется начало ее сравнительно-исторического изучения, что более полно будет осуществлено в системе религиозного рационализма Симона Будного, а в дальнейшем станет одним из оснований атеизма.

Из комментариев мыслителя к библейским книгам следует, что человек посредством Священного писания может осуществлять прямой диалог с Богом, самостоятельно разобраться в морально-этическом смысле «божественного откровения» и достичь нравственного совершенства как посредством разума, так и в результате самостоятельного изучения Библии и личной веры. Само издание книг Библии, распространение их среди мирян, «людей простых посполитых» объективно способствовало личному «общению» человека с Богом, минуя посредничество церкви. Характерный пример проявления в мировоззрении Скорины идеи личной веры содержится в анализе мыслителем «Посланий апостола Павла». Так, в комментариях к «Посланию к римлянам» он обращает внимание читателя на ветхозаветный сюжет об Аврааме, которого от угрозы потерять своего первенца Исаака для демонстрации религиозного благочестия спасла только вера. «...Все оправдаются верою сына божия. Занеже и Авраам **не от дел, но от веры оправдася** (выделено мною. – В.С.) и прежде закона обрезания принял обетования» [9, с. 109]. В суждениях Скорины заметна, таким образом, реформационная тенденция, сам белорусский мыслитель рассматривается некоторыми исследователями философским предтечей Реформации в Беларуси [7, с. 10-11]. Однако воззрения Скорины не следует отождествлять с идеологией западноевропейского протестантизма XVI века [10, с. 48]. Он, по сути, способствовал возникновению в белорусской мысли идеи секуляризации.

Священное писание рассматривалось мыслителем не только как средоточие божественной мудрости, подлинной религиозности, высокой христианской духовности и идеальной нравственности, но и светского знания, законопослушания, гражданственности и человеческого достоинства, то есть в качестве источника национально-культурного обновления и Возрождения. Толкование Скориной библейских текстов подчинено задаче выявления интеллектуально-образовательной и нравственно-воспитательной функций Священного писания. Он полагал, что в Библии скрыта не только вся божественная, или «Соломонова», но и вся естественная, или «житейская», «Аристотелева» мудрость [11, с. 24]. Скорина не участвует в полемике, не выступает с критикой христианской догматики, но нередко игнорирует либо гуманистически модернизирует многие общепринятые христианские установки, утверждая светские начала жизни. Руководствуется не религиозным целеполаганием, а реальными интересами общества и человека.

Библию Скорина предлагает рассматривать в качестве универсального источника светских знаний, как энциклопедию наук (естественных, философских, исторических, правовых и т.д.), пособие для изучения «семи свободных искусств» – грамматики, логики, риторики, музыки, арифметики, геометрии и астрономии. «В сей книзе, – писал он в предисловии “Во всю Бивлию рускаго языка”, – **все прироженое мудрости зачало и конец** (выделено мною. – В.С.); бог вседержитель познаван бываетъ. В сей книзе вси законы и права, ими же люди на земли справоватися имеютъ, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне знойдете. Ту навчение философии добронравное, яко любити Бога для самого себе и ближнего для Бога, имамы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодою посполитое доброе помножено бываеъ. Ту навчение седми наук вызволенных достаточное” [9, с. 46].

Скорина не отрицал необходимости богопознания, но считал, что познавательные способности человека должны быть направлены преимущественно на изучение природы, общества и человека. В предисловии к Книге Иова мыслитель пишет: «Ест наивышшая мудрость розмышление смерти, и познание самого себе» [9, с. 20]. Воскрешая эту сократовскую идею, Скорина не только продолжает традицию античной философии, но и выражает одну из характернейших черт ренессансно-гуманистической культуры.

В комментариях мыслителя обнаруживается в качестве тенденции идея «двойственной истины». Так, мудрец должен быть исполнен «духа святого и философии»; имеется «закон прирожденный», т.е. естественный, и «закон Моисея», т.е. божественное откровение. Скорина также полагал, что существует «двокая правда: божия и человечесия. Двокий суд: божий и человечесий. Двокая похвала: от бога и от человека» [9, с. 109-110]. Заметим, что идея «двойственной истины» в средневековой философии допускала противоречие между истиной философии и истиной теологии. Разрабатывавшаяся в аверроизме, она была определена официальной церковью как еретическая, поскольку «истина истине не противоречит». В рациональном свободомыслии эпохи Возрождения происходит трансформация этой идеи в учение о «двух Книгах» – Природы и Писания. Если в «Книге Природы» человек обретает истину науки и философии, то в Писании находит религиозно-нравственные наставления.

Синтез традиционализма и элементов свободомыслия наблюдается в онтологии Скорины. Мыслитель пытался ответить на самый острый вопрос позднего Средневековья: мир создан Богом или существует извечно? В предисловии к книге Бытия Скорина сопоставляет христианское учение о сотворении мира

«из ничего» с аристотелевской концепцией вечности и неуничтожимости материи: «кто убо от философов мог поразумети, абы господь бог словом своим с низ чего сотворил вся видимая и невидимая, старейшине их Аристотелю глаголющу: «Зни с чего ничто же бысть» [9, с. 51-52]. И хотя в конечном счете основной вопрос философии мыслитель решает в традиционно-христианском духе, рассуждения его дают читателям повод для размышления и скепсиса.

Ведущее место в произведениях Скорины занимают вопросы этики. Человека мыслитель рассматривает главным образом в трех измерениях: как существо разумное, нравственное и общественное. В основе его этической концепции лежит мысль о необходимости и возможности совершенствования человеческой природы. Признавая приоритет «духовных» ценностей, Скорина не отвергает ценностей «плотских». Он не противопоставляет эти два начала в человеке, а пытается отыскать возможности для их примирения, гармонического сосуществования [7, с. 30].

Универсальный этический принцип формулируется Скориной следующим образом: поступай со всеми так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой, и не поступай с другими таким образом, как не желаешь, чтобы поступали с тобой. Этот «прирожденный» нравственный закон запечатлен «в сердце единого каждого человека»: «то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хочещи от иных имети» [9, с. 62]. Этот моральный императив находит, как известно, отражение в Священном писании (Евангелие от Матфея, др.), но не является собственно христианским нововведением. Он формируется в философской мысли задолго до появления Нового завета, формулируется как в европейской (Фалес и др.), так и в восточной (конфуцианство) философии, отражая поиск общечеловеческих и внеконфессиональных оснований нравственности.

Моральные установки имеют, по Скорине, двойственную основу: индивидуальный разум и «божественное откровение». При этом естественный нравственный закон обладает приоритетом: «прежде всех законов или прав писаных закон прирожденный всем людем от господа бога дан ест ...» [9, с. 62]. Справедливость у мыслителя неразрывно связана с человеколюбием («братолюбием» и «друголюбием») как наивысшей добродетелью, без которой «ничто prospешно ест» [9, с. 112]. На основе этих критериев должны, по убеждению Скорины, строиться не только нравственные взаимоотношения, но и политическая, и правовая жизнь, и, что особенно важно, общественная «згода», или социальная стабильность.

Библейско-христианская этика синтезируется мыслителем с этическими идеями античной философии, модернизируется в соответствии с духовными запросами Возрождения. Так, Скорина пытается пересмотреть ортодоксально-христианскую трактовку проблемы человеческого существования, согласно которой земная жизнь человека не представляет самодовлеющей ценности, а является лишь приготовлением к потусторонней жизни. Мыслитель утверждает самоценность человеческой жизни, реабилитирует земное бытие, не отвергая в то же время и веры в потустороннюю жизнь. Этика Скорины ориентирует человека преимущественно на реальную и общественно-полезную жизнь, овладение знаниями, ведь «без мудрости и без добрых обычаев не ест мощно, почстиве жити людем посполите не земли», то есть общественная жизнь невозможна без знания и совершенной нравственности.

Интерес представляют суждения мыслителя о смысле жизни и высшем благе. Эти проблемы рассматриваются им в предисловиях к Притчам Соломоновым, Премудрости Иисуса сына Сирахова и другим. Так, в предисловии к Притчам Соломоновым Скорина утверждает, что главное предназначение человека

заклучаецца в совершэнствованні зямной жыцці, а падлінным аб'ектам гэтыкі выступае праблема «яко ся імамы справовати и жыти на сем свете» (выдзелена мною. – В.С.). В прэдслівіі к «Экклэзіасту» мыслітэля рассуьдае о мнoгoвекторнoсці смыслoжызнeннoх oрeнтaцiй рeaльнoгo чeлoвeкa, плoрaлiзмe eгo цeннoснoх пoзицiй. Автoр «Экклэзіастa» пишeт «o нaуцe вcex лoдeй пoспoлитe сущих в лeтeх мужствa, прoвoдячi им нa пaмeть суету, бeду и прaцу сeгo свeтa, пoнeжe в рoзмaйтых рeчaх лoдi нa свeтe пoклaдaют мыслi и кoхaннiя свoя: eдiнy в цaрствaх и в пaнoвaннiи, дрyзiи в бoгaтeствe и в скарбoх, инии в мyдрoсти и в нaуцe, a инии в здрaвii, в крaсoтe и в крeпoсти тeлeснoй, нeции жe вo мнoжeствe имeнiя и стaткy, a нeции в рoскoшнoм ядeннiи и питii и в лoбoдeяннiи, инии тeжe в дeтeх, в прiятeлeх, вo слyгaх и вo иных рaзлiчнoх мнoгoх рeчaх. И тaкo eдiнoй кaждый чeлoвeк имaть нeкoтoрoю рeчь прeд сoбoю, в нeй жe ся нaбoлeй кoхaeт и o нeй мыслит» (выдeлeнo мнoю. – В.С.) [9, с. 26]. Нрaвствeннoм iдeaлoм y гyмaнiстa встyпae гyмaнiстeчeски мoдeрнiзирoвaннaя хрiстiaнскaя кoнцeпцiя жыццi. Длa Скoрiнy высшee блaгo – блaгo зeмнoe, oбщeствeннo-пoлeзнaя жыцць нa зeмлe, слyжeннe лoдям, a пoтoм yжe Бoгy, или, вeрнee, слyжeннe Бoгy пoсрeдствoм слyжeннa лoдям.

В цeнтрe внмaннiя oснoвoпoлoжнiкa oтeчeствeннoй рeнeссaнснo-гyмaнiстeчeскoй этикi нaхoдiтcя oднa из вaжнeйшix филoсoфскo-этeчeскix прoблeм – прoблeмa «чeлoвeк – oбщeствo», или сooтнoшeннiя iндiвiдyaльнoгo и oбщeствeннoгo блaгa [6, с. 124]. При ee рaссмoтрeннiи Скoрiнa выскaзывaeтcя o нaзнaчeннiи и смыслe жыццi, дyxoвнoм мирe и дoстoинствe чeлoвeкa, зaтрaгивaeт вoпрoсы прoисхoждeннiя мoрaльнoх прeдстaвлeннiй, дyxoвнo-прaвoвoй свoбoды, oбщeгo и iндiвiдyaльнoгo блaгa, грaждaнскoй aктивнoсти и др. Вaжнeйшми кaтeгoрiямнi этики Скoрiнy являютcя пoняттiя “пoспoлитoe дoбрoe” (oбщeствeннoe блaгo) и “пoжитoк пoспoлиты” (oбщeствeннaя пoлeзлa). Лишь в oбщeствe, пoлaгaл мыслітэля, жыцць чeлoвeкa нaпoлняeтcя iстиннoм смыслoм, пoэтoмy лoдi дoлжнy нaучітcя «вкyпe жытi». Oтмeтiм, чтo Скoрiнa нe aбсoлютiзирyeт oбщeствeннoe блaгo в yщeрб блaгy iндiвiдyaльнoмy, a пытaeтcя пoкaзaть вoзмoжнoсць гaрмoнiчнoх вzаимooтнoшeннiй мeждy нимнi: чтoбы бытi пoлeзнoм oбщeствy, чeлoвeк дoлжeн рaзвивaть дyxoвнoсць, вoспитывaть нeoбхoдимыe длa oбщeствeннoй жыццi мoрaльнe кaчeствa. Из рaссyждeннiй мыслітэля вытeкaeт, чтo чeлoвeк – сyщeствo нe тoлькo рaзyмнoe, нрaвствeннoe, бoгo- и зaкoнoпoслyшнoe, oбщeствeннoe, нo и нaцioнaльнo oрeнтирoвaннoe, yвaжaющee свoи трaдiцiи, кyльтyрy, язык, лyбящee свoй рoднoй гoрoд, свoй “мaлoю” и “бoльшoю” рoднoю, гoтoвoe чeстнo и прeдaннo слyжити им, a eслн пoтрeбyeтcя – пoжeртвoвaть рaди ннх жыццью. Слyжeннe “пoспoлитoмy дoбрoмy”, “лoдeм прoстым пoспoлитым”, “свoeмy прнрoжeнoмy рyскoмy языкy” былa пoсвyщeнa и сoбствeннa жыцць и дeятeльнoсць бeлoрyскoгo прoсвeтeлeя, чтo им нeoднoкрaтнo пoдчeркивaлoсь вo вcex прeдслівiяx и пoслeслівiяx к iздaвaeмым кнiгaм.

Скoрiнa, нeсoмнeннo, встyпae кaк нaцioнaльнoй хрiстiaнскiй прoсвeтeлeць. Oтмeчae пoбyдитeльнe мoтiвы свoeй пeрeвoдчeскoй и кнiгoиздaтeльскoй дeятeльнoсти, нe рaз yкaзывaл, чтo eгo рaбoты слyжaт “пoхвaлe ствoритeлy”, “бoгy вo трoицi eднoмy кo слaвe”, “бoгy кo чтi” [9, с. 22, 110, 116 и др.], чтo он стрeмитcя “дeлoм пoкaзaти вeрy хрeстiaнскyю”, кoтoрaя “бeз дeл мeртвa eст” [9, с. 105]. Oднaкo нe в выяснeннiи рeлнгиoзнoх iстнн вiдeл Скoрiнa нaзнaчeннe свoeй дeятeльнoсти. Свoю кoнкрeтнyю зaдaчy бeлoрyскiй прoсвeтeлeць yсмaтривaл прeждe вceгo в “нaвчeннiи” рoднoгo нaрoдa, прнбщeннiи eгo к “нaуцe вceгo дoбрoгo”: “Пoжитoчнy жe сyть сie кнiгy чeстнi вcякoмy чeлoвeкy... нaбoлeй тым, oнн жe хoтят имeтн дoбрe oбычae и пoзнaтн мyдрoсць и нaкy...” [9, с. 22].

В связи с этим представляет интерес вопрос о языке и лексической основе изданий гуманиста. Существуют различные оценки скорининского лексического наследия: его язык трактуется как церковнославянский, белорусский, церковнославянский язык в белорусской редакции. Не вдаваясь в детали дискуссии, отметим огромную значимость введения Скориной в литературное употребление большого числа белорусизмов, грамматических форм и лексических средств живого белорусского языка, что делало текст Библии понятным и доступным демократическому читателю, “людem посполитым рускаго языка”. Перевод Библии на язык родного народа являлся предметом его национальной гордости: “Я, Францишек, Скоринин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повелел есми Псалтырю тиснути рускими словами, а словенским языком ... к пожитку посполитого доброго, наболей с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил” [9, с. 18]. Особо следует отметить стремление Скорины ввести родной язык (посредством издания на нем Библии) в круг священных, т.е. уравнивать его с древнееврейским, греческим и латинским. В предисловии в книгу “Исуса, сына Навина” он даже утверждал, что надпись “Исус Назорянин, царь Иудейский” была сделана на Животворящем кресте не только на еврейском, греческом и латинском, но и “по-руски” [9, с. 42-43].

“Нароженный в руском языке”, автор предназначал “Бивлию рускаго языка” “людem посполитым рускаго языка”, “своему прироженому рускому языку”; издавал книги “по-руски”, “рускими словами”, чтобы “братия моя русь... могли лепей разумети” [9, с. 70, 45, 76, 71, 52, 18, 37 и др.]. Издавая Библию на родном языке, а не на общепринятом греческом или латинском, Скорина защищал высокие идеи свободы, равенства народов и уважения человеческого достоинства от сковывающих развитие общества ортодоксальных религиозных традиций [10, с. 56]. Его деятельность способствовала становлению национальной белорусской литературы и языка, что получило продолжение в творчестве С.Будного, В.Тяпинского, С.Зизания, Л.Карповича, М.Смотрицкого и других писателей второй половины XVI – XVII веков.

Знание и образование рассматриваются Скориной основой моральных добродетелей человека, выступают необходимым условием нравственно прекрасной жизни [8, с. 108]. Мыслитель ориентирует белорусского читателя на просвещение, познавательную деятельность. Убеждает, что “без мудрости и без добрых обычаев не ест мощно почстиве жити людem посполите на земли” [9, с. 22]. Следуя высокие идеалы христианского просветительства и книжности, заложенные в отечественной культуре и мысли творчеством Евфросинии Полоцкой и Кирилла Туровского, Скорина их национально конкретизирует и в значительной степени секуляризирует. Он не ограничивает мудрость религиозно-богословским знанием, полагая, что в Библии изложена не только “божественная” (Соломонова), но и “житейская” (Аристотелева) мудрость, что мудрец должен быть исполнен “духа святого и философии” [9, с. 23-24]. Следуя национально-культурной традиции, Скорина эстетизирует познавательную деятельность, прославляет “истинный, сладкий, чистый, стальной, добротливый” “дух разумности” [9, с. 22]. В соответствии с христианской традицией идеалами интеллектуальной личности у него являются библейские персонажи Соломон, Птолемей Филадельф, Иисус Сирахов. Скорина утверждает идеал искренне верующей, высоко нравственной, гражданской, интеллектуальной, законопослушной, национально ориентированной личности, что позволяет рассматривать его этические взгляды в контексте такого идейно-философского течения Возрождения, как “христианский гуманизм” [6, с. 133].

Скорине присущ глубокий патриотизм, он является основоположником национально-патриотической традиции в истории белорусской культуры и обще-

ственной мысли. Если средневековым мыслителям в целом свойственен христианский космополитизм, то для Скорины интересы своего народа и Отечества выше религиозных интересов. Подобная позиция может рассматриваться как конкретизация идеи общего блага, характерной для древнерусской философской культуры. В представлении Скорины образцами патриотического служения "родине", "отчине" выступают ветхозаветные персонажи – Эсфирь, Иудифь и др. Так, мужественной Эсфири, рисквавшей не только своим положением, но и самой жизнью, удалось получить "от царя листы противные на погубление всея родины" и избавить свой народ "от побития" [9, с. 70]. В предисловии к книге "Есффера-царицы" Скорина излагает свое понимание общественного долга: "Не толико бо сами себе народихомся на свет, но более ко службе божией и посполитого доброго" [9, с. 71].

С наибольшей определенностью и силой национальный патриотизм мыслителя выражен при осмыслении библейского сюжета об Иудифи. Героиня смогла привлечь своей красотой персидского полководца-завоевателя Олоферна и, пробравшись в его шатер, обезглавила врага, спасши тем самым свой город и свой народ от порабощения: "для высвобождения отчины, взор на себе мужем даючи, не лютовала ест живота своего" [9, с. 49]. Готовность к самопожертвованию во имя Родины возводится Скориной в ранг высших гражданских добродетелей. Оно освещено и божьим благословением. Иудифь "непобедимого от людей победила", поскольку и "господь бог для доброго умыслу ея помог ей". Скорина полагает, что дана "нам сия книга Иудиф чести к нашему научению, абыхом... в добрых делех и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для отчины своя не лютовали". Иудифь "**для места рожения своего** (выделено мною. – В.С.) выдала ест живот свой на небеспеченство". В предисловии к книге "Иудиф-вдовицы" содержатся и золотые строки признания любви к Родине, по сути, – патриотическое кредо писателя: "Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птици, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – тако ж и **люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають** (выделено мною. – В.С.)" [9, с. 45].

Важной моральной добродетелью человека Скорина в соответствии с христианской этикой считает любовь. Однако человеколюбие у него не абстрактный призыв, а высший принцип взаимоотношений между людьми, универсальный закон частной и общественной жизни. Принцип любви распространяется Скориной не только на представителей христианского вероисповедания, но обращен «ко всякому человеку».

Социальные отношения идеального общества Скорина оценивал принципами человеколюбия и справедливости. Он не отрицал существования в обществе классовых противоречий, но считал, что взаимоотношения между «богатыми» и «убогими» должны строиться на основе «братолюбия» и «друголюбия». Скорина пропагандировал идеи раннехристианской филантропии, убеждал людей относиться «спомогающе друг друга со всякою любовию» [9, с. 116]. В качестве социального идеала приводил и раннехристианский принцип равной свободы и общей собственности «ровная свобода всем, общее имение всех» [9, с. 64], – что отразило влияние на его мировоззрение радикально-реформационных идей.

Предисловие к Псалтири – наиболее яркий документ, характеризующий эстетические представления мыслителя. Как известно, эта книга Ветхого

завета наиболее близка к искусству – поэзии и музыки. Скорина полагал, что Псалтирь оказывает на человеческий дух всестороннее влияние: «Псалтирь же сама едина вси тые речи в себе замыкает и всех тых учить и все проповедует» [9, с. 17].

Скорина считал, что музыка максимально мобилизует дух, активизирует познавательные способности, способствует богатству эстетических переживаний, наслаждению человека красотой. «Псалмы, – писал он, – яко бы сокровище всех драгих скарбов, всякии немощи, духовныи и телесныи, уздравляють, душу и смыслы освещают, гнев и ярость усмиряють, мир и покой чинять, смутки и печаль отгоняют, чювствие в молитвах дают, людей в приязнь зводят». Они – «защититель младых и радость, старым потеха и песня, женам набожная молитва и покраса, детям малым початок всякое доброе науки, дорослым помножение в науце... Псалом... свята украшает... вкупе тело пением веселить, а душу учить» [9, с. 17]. Мы наблюдаем здесь двойственность суждений Скорины. С одной стороны, музыкально-поэтическое искусство рассматривается как важное средство воспитания религиозного благочестия (в соответствии с эстетикой Средневековья), а с другой стороны – как средство доставить человеку «радости», «потехи», «покрасы», что является элементом античной и ренессансной эстетики.

В мировоззрении Скорины наблюдается попытка преодоления средневекового христианского учения о красоте как проявлении божественного. Он стремится обнаружить прекрасное в самом человеке. Красота у Скорины отождествляется с добром, человеколюбием, справедливостью, общим благом, патриотизмом. Эстетизирует мыслитель и познавательную деятельность человека. Мудрость в его представлении «якобы мощь в драгом камени, и яко злато в земли, и ядро у в ореху», она «мати всех добрых речей и учитель всякому доброму умению» [9, с. 22].

В качестве идеальной личности у Скорины выступает Иисус Сирахов, который больше всего заботится о том, чтобы проявить себя в творчестве и оставить «по себе память, яко и предкове его оставили суть, дабы память его не загнула вовеки» [9, с. 24]. Это уже не средневеково-христианский (с приоритетом религиозно-космополитических добродетелей человека), а ренессансный идеал личности, высшим проявлением которой является творческое самовыражение. Идеалом гражданственности и патриотизма у мыслителя является библейская героиня Иудифь. Подвиг Иудифи, ее самопожертвование во имя любви к своему народу и Родине Скорина оценивает не только этически, но и эстетически, как героический, прекрасный, возвышенный порыв [9, с. 43-45]. Отметим, что возведение патриотизма в степень прекрасного чрезвычайно характерно для эстетического сознания Античности и Возрождения.

Проблему трагического Скорина пытается решить на основе противоречия между божественным провидением и индивидуальной человеческой судьбой в предисловии к книге Иова [9, с. 19-20]. Книга Иова – философская поэма, притча о превратностях человеческой судьбы по воле Бога. По легенде, непорочного и богобоязненного Иова Бог по наущению сатаны решил испытать, лишив всего и поразив тяжелой болезнью. Результатом стала борьба в душе Иова: бунтаря, протестующего против божественной несправедливости, и смиренного человека, подчиняющегося воле божьей, остающегося ему преданным и верным. Скорине импонирует Иов смиренный: сказание «являет нам достоинство, святость и терпение святого Иова... яко бо злато искушается огнем, тако и святыни божи терпением».

Ставит мыслитель и вопрос о характере божественного руководства миром в целом. Его волнует проблема трагической судьбы человечества, причиной которой является Бог: почему по божьей воле добродетельные страдают, а порочные наслаждаются и благоденствуют? «Чего ради господь бог на добрых и на праведных допускает беды и немощи, а злым и несправедливым дает щастье и здравие?». Однако проблему теодицеи (богооправдания) Скорина все же решает в традиционно-христианском духе: Бог вправе подвергнуть человека испытанию страданием, он же и все милостив, ибо пострадавший, но выдержавший испытание, в конце концов будет щедро вознагражден, причем не только в будущем (вечной жизнью), но и в настоящей жизни, жизни земной, в чем можно убедиться на примере Иова. Категория трагического представлена понятием «бесы и немощи», «короткость и беда живота человеческого». Противоположное трагическому понятие комического не получило отражения в его работах, и здесь нельзя не усмотреть традиционно-христианской ориентации мыслителя [4, с. 344].

Важно отметить и типографскую эстетику Скорины, которая находилась на уровне лучших образцов ренессансной книжной графики. В этой связи важно отметить то обстоятельство, что многие гравюры Скорины насыщены не теологическим, а реальным, земным содержанием. Безусловной чертой ренессансного свободомыслия следует считать гравюрный портрет самого Скорины. Исследователи отмечают данный факт как «беспрецедентный случай в истории книгоиздания, перепечатки и переписки Священных книг» [10, с. 58]. Автор утверждает собственным портретом свою индивидуальность, осознание значимости своего творчества. Некоторые ученые (В. В. Агиевич) усматривают также в портрете белорусского мыслителя выражение принципов гелиоцентризма и гомоцентризма – основы философии гуманизма Нового времени, в чем Скорина на 26 лет опередил Н. Коперника [1, с. 299]. В этом же ключе свободомыслия следует рассматривать и то обстоятельство, что скорининские предисловия лишены весьма характерного для средневековых христианских ортодоксальных писателей и переписчиков приема литературного самоуничтожения по примеру «Здесь нет моих мыслей, здесь все от Бога» и т.п.

Являясь выразителем интересов горожан (купечества и ремесленников), Скорина придавал большое значение вопросам правового регулирования общественной жизни, стремился утвердить авторитет законности. В частности, он пытался обосновать концепцию «естественного права». Мыслитель считал, что право – не божественное, а человеческое установление, которое «единый каждый народ с своими старейшими ухвалили...» [9, с. 63-64]. Оно возникает у каждого народа в разное время, обусловлено образованием общества и государства, деятельностью первых правителей. Так же, как и Аристотель, белорусский мыслитель считал, что главное назначение законов – служить общественному благу. Основываться право должно на морали, прежде всего на человеколюбии и справедливости, на традициях народа. Необходимо, чтобы закон был «почтливый, справедливый, можный, потребный, пожиточный, подле приращению, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий» [9, с. 64].

Одним из дискуссионных аспектов мировоззрения Скорины является его конфессиональная ориентация. Не вызывает сомнения то, что мыслитель не представлял высоконравственной жизни вне христианской религии, его искренняя вера выявляется во всех комментариях к издаваемым «з божиею помощию» трудам. Вместе с тем христианско-гуманистическое осмысление Скориной проблемы человека, неординарный подход к интерпретации библейских сюжетов, недостаточность биографических сведений обусловили неоднозначное истол-

кование его вероисповедной принадлежности (православный, католик, униат, протестант). Полагаем, что ближе к истине те исследователи (В.И.Пичета, М.Грушевский, Н.О.Алексютрович, С.Брага, С.А.Подокшин и другие), которые считают необходимым рассматривать конфессионально-мировоззренческую ориентацию Скорины в общехристианском контексте его религиозной и культурно-просветительской деятельности, лишенной узкого конфессионального догматизма и строгой церковности. Несомненно, что она выдержана в духе веротерпимости. Еще Е.Ф.Карским было отмечено, что "переводы Фр.Скорины и его продолжателей... не преследовали каких-либо конфессиональных целей: желание их было только принести пользу своему народу" [3, с. 30]. По мнению С.А.Подокшина, Франциск Скорина, ориентируясь на православного читателя, в то же время не связывал себя жестко с определенной конфессией и по сути дела ратовал за свободный диалог всех христианских направлений [8, с. 79-80]. Об этом свидетельствует отсутствие в скорининских текстах конфессиональной полемики, апелляция ко "всякому человеку", "ко всем верующим во Христа", "людям всем"; типичность формул: "нам, хрестияном", "нас всех хрестиан", "хрестианство наше", "каждый хрестианин" [9, с. 22, 32, 105-117, др.].

Таким образом, мировоззрение Скорины обладает широким диапазоном, является примером преимущественно духовно-практического освоения действительности, в нем присутствует философский синкретизм религиозного традиционализма и свободомыслия. Общественно-философские взгляды мыслителя характеризуются ренессансным антропоцентризмом, сосуществующим с проблемой загробного воздаяния; расширением границ духовной свободы человека, не доходящим до крайностей индивидуализма; натуралистической тенденцией, демократизмом и патриотизмом, утверждаемым не только теоретически, но и практически, своей жизнью и деятельностью. Скориной синтезируются ценности духовной культуры разных эпох и традиций: древнерусской философско-этической и богословской, античной и западноевропейской религиозно-философской. Для мыслителя характерен идейный компромисс, стремление не к решительному разрыву со средневеково-теологическим мировоззрением, а к его реформированию, обновлению в соответствии с новыми ренессансно-гуманистическими установками и идеалами [6, с. 122-125].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агіевіч У.У.* Імя і справа Скарыны. – Мінск, 2002.
2. Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии. – Минск, 1978.
3. *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. III. – Петроград, 1921. – Ч. 2.
4. *Конан У.М.* Эстэтычныя і звычайныя погляды Францыска Скарыны // Скарына і яго эпоха. – Мінск, 1990. – С. 311-359.
5. *Немировский Е.Л.* Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя. – Минск, 1990.
6. *Подокин С.А.* Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. – Мінск, 1990.
7. *Подокшин С.А.* Скорина и Будный: Очерк философских взглядов. – Минск, 1974.
8. *Подокшин С.А.* Франциск Скорина. – М., 1981.
9. *Скарына Ф.* Творы. – Мінск, 1990.
10. Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник: Сб. науч. тр. – Минск, 1989.
11. Франциск Скорина и его время: Энцикл. справочник. – Минск, 1990.

SUMMARY

The peculiarities of Scorina's Renaissance humanism are considered in the article, the synthesis of religious traditionalism and free-thinking in his world-outlook being shown.